

ЕСТЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Шипицына Г. М., д-р филолог. наук, проф.

Белгородского государственного национального исследовательского университета

НАРОДНЫЕ АФОРИЗМЫ КАК ВЫРАЗИТЕЛИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И МЕНТАЛЬНОСТИ

Shipitsina@bsu.edu.ru

В статье анализируется понятие «народный афоризм». Предложены критерии разделения пословиц на классы по признаку происхождения. Народные афоризмы считаются источниками новых фразеологических выражений.

Ключевые слова: народные афоризмы, пословицы и поговорки, псевдоафоризмы, семантика, прагматика, языковая картина мира, ментальность россиян.

К народным афоризмам относятся устойчиво воспроизводимые изречения апокрифического характера, то есть такие, содержание которых не соотносится с официально провозглашаемыми нормами, оценками, идеями, исходящими от политических лидеров или общественных институтов (органов власти, влиятельных общественных организаций, церкви и т.п.) и не хранящих авторства. У народных афоризмов яркая образная структура, насыщенная прагматическим содержанием. Наиболее многочисленными народными афоризмами в русском языке являются пословицы и поговорки, их общее название – паремии (от греч. *Paroimia* – притча, изречение). Общее название для этих образований стало востребованным потому, что между безусловно пословицами и безусловно поговорками находится весьма многочисленный пласт народных изречений синкретического характера, их обозначают термином «пословично-поговорочные выражения». Паремиологический фонд русского языка – это совокупность разновременных и разнотерриториальных по происхождению, различных по степени востребованности в разнообразных дискурсах изречений фольклорного характера.

В последние десятилетия усилился интерес филологов к изучению паремий, поскольку в постсоветское время появилась возможность более углубленного и объективного анализа семантики и прагматики всего корпуса паремий, а не только той его части, в которой представлены исключительно положительные стороны мировоззрения и бытия российского народа. Именно такие паремии приводились в качестве иллюстраций в учебных филологических пособиях, при этом утверждалось, что русские паремии

воспитывают в народе самые положительные и полезные для общества качества личности. Например, трудолюбие и терпение трудолюбивого человека (*Труд кормит, а лень портит; Одно дело делай, на другое поглядывай; Терпенье и труд все перетрут*), ответственное отношение к делу (*Кончил дело – гуляй смело*), верность в отношениях (*Старый друг лучше новых двух; Новых друзей наживай, а старых не теряй; Нажил богатство – забыл и братство*), скромность в самооценке, кротость (*Спесивый высоко мостится, да низко ложится; Взлетел орлом, прилетел голубем; Кроткое слово гнев побеждает*), совестливость и честность (*Хоть мошна пуста, да совесть чиста; Береги честь смолоду; Совесть беззуба, а с костями сложет*) и т.п. Однако в полном корпусе паремий достаточно изречений и с противоположной прагматикой по каждому из возможных значений, и от этого факта никуда не деться, например, о совестливости и честности – *Забудешь стыд, так будешь сыт; Стыдненько да сытенько; Стыд не дым, глаза не выест*). Безусловно, подобные паремии не могут способствовать воспитанию позитивных качеств личности. Обществом идеологов, наставников, педагогов они не востребованы и остаются на периферии активного и частотного по употреблению запаса языковых средств. Тем не менее для создания объективной картины о семантике и прагматике русской паремии необходимо привлекать к анализу полный набор паремий на ту или иную тему. Данный подход и реализован в настоящей статье. Её целью является установление специфики отражения в русской паремии особенностей культуры и ментальности народа, а также установление границ понятия «народ-

ный афоризм». Исследование паремий в данных аспектах пока остается недостаточным, хотя работы по этой проблематике уже существуют [1].

Паремии являются важным элементом языковой картины мира, поскольку, будучи полифункциональными языковыми знаками, реализуют функции и языка, и культуры, и ментальности народа. Паремия является текстом народной культуры. Культурная маркированность знания, запечатленного в паремиях, базируется на том, что они, выражая представления народа о жизненных закономерностях, отражают те «правила, нормы и стереотипы мышления», в которых «закодирована определенная культура» [2: 7]. Выступая «как символ по отношению к обозначаемой им внеязыковой действительности, как симптом по отношению к говорящему, как сигнал по отношению к адресату речи» [3: 610], язык создает почву для транслирования паремий из одной социокультурной реальности соответствующей исторической эпохи в другую. Прагматическое содержание паремии составляет свод оценок, рекомендаций, установок и фиксации социально важных фактов и закономерностей, ради чего собственно и создается паремия, особенно пословица. Отмечая, что значение, заключенное в пословице, глубоко прагматично по функции, мы утверждаем, что содержащееся в пословице умозаключение является не просто выводом, сделанным на основе жизненных наблюдений. Пословица выступает как своеобразный регулятор общественной морали и зачастую содержит в себе конкретную программу действий, предлагаемую членам общества. Пословица учит, воспитывает, предостерегает. Выражая традиционный стиль и ментальную направленность народного мышления, паремия оказывается весьма действенным средством фиксации и трансляции многовековой народной мудрости. Она авторитетна, ей верят, поскольку ее содержание проверено и подтверждено опытом предыдущих поколений, тем самым паремия оказывается эффективным средством пропаганды и воспитания. Структура же паремии такова, что она может служить прецедентной базой для образования похожих на нее высказываний, этим, в частности, объясняется разветвленная вариантность лексического состава паремии как конститутивного свойства паремиологической системы. Вариантность паремий возникает не только вследствие происхождения в разное время и бытования на разных территориях, но и по причине безадресности и хронотопной относительности высказывания. Ведущим фактором в выражении инвариантного значения паремии является не лексическая наполненность структуры, а характер семанти-

ческой пропозиции и концептуальная значимость высказывания. Например, приемом чередования действующих лиц в одинаковом сюжете с общей моралью «большинство от недовольства одного не зависит» народом создано несколько поговорок, возможно, в разное время и на разных территориях:

Баба на базар три года серчала, а базар того и не примечал, собирался да собирался; Старуха три года на Киев серчала, а Киев и не знал; Старуха на Новгород три года серчала, а Новгород и знать не знал; Баба на Москву три года плакалась, а Москва про то и не знала; Бабушка Варвара на мир три года серчала, с тем и умерла, что мир не узнал; Баба на базар три года не ходила, а без нее обходилось; Сердилась лягушка на Новгород, да лопнула.

Речевая культура во все периоды отечественной истории являлась достаточно восприимчивой к идеологии. Устойчивые воспроизводимые выражения как прагматически ориентированный уровень словарного состава языка в первую очередь реагирует на определенный «социальный заказ», воплощающийся языком в виде новых клише, идиом, фразеологических сочетаний и афористических высказываний. Вышеперечисленные свойства паремии (прагматичность содержания, вариантность лексического наполнения, способность становиться прецедентным высказыванием) сделали возможным в советский период, особенно в период становления советской власти, создание многочисленных псевдопословиц и псевдопоговорок с целью агитации за новый политический курс и новую мораль. О целенаправленном создании целого свода пословиц, пропагандирующих новый политический строй, пишет А. Рубинштейн в предисловии к словарю «Русские пословицы библейского происхождения»: «Параллельно с ликвидацией «божественных» пословиц стали создавать новые, атеистические». Ссылается он при этом на статью Н.П. Андреева, опубликованную в журнале «Воинствующий атеизм» в декабре 1931 года, где и содержался призыв «издавать и собирать антипоповские пословицы прежних лет» и, что еще более показательно, «создавать новые безбожные пословицы, острые в социальном плане» [4: 9]. Такое предложение было вполне реализовано пропагандистской машиной советского времени и не только в сфере паремий. Например, то же самое испытало и частушечное творчество: *Хорошо идут дела У колхозного села, Я девчонка молодая Потому и весела.* Частушка абсолютно выражает идею приоритета общественного блага над личным, объясняя весьма доходчиво, по какой причине может быть веселой молодая девушка.

В большинстве сборников пословиц и поговорок, изданных в советский период, наряду с афоризмами фольклорного происхождения присутствуют псевдоафористические высказывания, структурно напоминающие пословицы. Большое число придуманных пословиц мы обнаружили в сборниках «Где труд, там и счастье» и «За край свой насмерть стой», составленных А.М. Жигулевым [5], и в сборниках «Партизанские пословицы и поговорки» и «Пословицы и поговорки Великой отечественной войны», составленных П.Ф. Лебедевым [6]. Псевдопаремии отличаются от фольклорных афоризмов огромной и в то же время односторонней прагматической устремленностью. В частности, следует отметить ярко выраженную лозунговую природу искусственно созданных пословиц, отсутствующую у собственно народных паремий. Устойчивое изречение фольклорного происхождения, несмотря на всю силу своего прагматического воздействия, никогда «не принуждает» к смене точки зрения. Пословица советует, предупреждает о последствиях и даже воспитывает, но не содержит в себе ни рекламного подтекста, ни лозунговости, ни категоричных указаний, оставляя за человеком право выбора своих решений, поступков и жизненных принципов. Так, к примеру, ряд высказываний, приведенных в словаре атеистических пословиц и поговорок (составитель А.М. Жигулев [5]), на наш взгляд, отличается от собственно народных изречений прямолинейной лозунговостью и довольно агрессивной идеологической категоричностью, несовместимой с народным мировоззрением в отношении к религии:

Бога забыли – лучше зажили; С богом пойти – счастья не найти; Бог ни правды, ни дружбы не знает; Всякие боги – убоги; У нас сил много, чтобы жить без бога.

В приведенных изречениях, наряду с общим тоном высказывания, наблюдаются и иные особенности, не позволяющие рассматривать их в качестве народных пословиц. Прежде всего, это отсутствие образного плана и вместе с ним подтекста. Сравним с пословицами из того же сборника, но имеющими, на наш взгляд, фольклорное происхождение:

Аминем квашни не замесишь; Аминем лиха не избудешь; На бога надейся, а к берегу плыви (а сам не плошай).

Проанализировав ряд аналогичных примеров, мы пришли к выводу, что изречений с агрессивным антирелигиозным содержанием в общем корпусе паремий нет. Критический взгляд народа мог быть направлен на попов, элементы и отдельные атрибуты обряда, на по-

верхностное или наивное понимание греховности, на чрезмерное упование на Бога при собственном безделии, на людей излишне фанатично или, наоборот, лицемерно религиозных и т.п., но только не на саму веру, не на устои христианства и, уж конечно, никак не на борьбу с Богом. Примеры:

Заставь дурака богу молиться, он и лоб расшибет; Поповское брюхо, что бердо, все мнет (бердо – деталь в ткацком стане); Поп любит блины, а ел бы один; Знают попа и в рогоже, а дьякона по рожге.

Основное отличие собственно паремий от придуманных пословиц мы видим в отсутствии у последних основного свойства текста пословицы – ослабленной референции, отраженной в специфике текстового хронотопа и в ряде иных особенностей образного плана. Народные пословицы «не привязывают» свое содержание к конкретному месту или социально-историческому, экономическому периодам развития, жизни государства или какой-либо отдельной группы людей и т.п. Пословицам в принципе чуждо прославление дел или побед официальной власти. Тем более пословица не создается как реакция на определенное политическое событие (к примеру, такое, как создание колхоза, выполнение плана пятилетки, соцсоревнование, полеты в космос и т.п.). Примеры псевдопословиц:

В колхоз пойдешь – богато заживешь; Советская молодежь – веселее не найдешь; Что завоевано революцией, подтверждено конституцией; Завод красен не планом, а его выполнением; Была бабе дорога от чугуна до корыта, а теперь женщинам и в космос дорога открыта (по модели поговорки У бабы дорога от печи до порога).

В приведенных выше псевдопословицах речь идет вовсе не о закономерностях и стереотипах, отраженных в народном сознании, а о конкретных событиях и их результатах в той форме, как они увязаны с пропагандистскими задачами политических лидеров. Такую псевдопословицу нельзя использовать для передачи каких-либо других жизненных ситуаций, тогда как истинно народная пословица независимо от поверхностного сюжета применяется к самым разным случаям в практике жизни. Например, если в пословице говорится, что *цыплят по осени считают*, это вовсе не означает, что её надо применять только к подсчету цыплят. Её обобщенный смысл – «оценивай успех всякого дела по конечному результату, а не в начале деятельности». Псевдопословица же слишком при-

креплен к конкретному событию, времени, месту, исторической личности, зачастую она напоминает обычный лозунг. Семантика лексических компонентов у псевдопословиц предельно ориентирована на определенную событийную ситуацию. Прагматика псевдопословиц является основной целью высказывания. Закономерность, на которой, как правило, базируется прагматическая установка паремии, в данных текстах не отражена, поскольку эта всего лишь прогнозируемая, внушаемая идея, она может быть и не реальной, а желательной. Не придерживались создатели подобных агитационных пословиц даже самых ярких особенностей хронотопа, свойственного народным паремиям, поскольку в придуманных «пословицах» личность, время и место действия не зачеркиваются, а увековечиваются. Например:

От велика до мала знают Ленина дела; Конница Буденного бьет врага и пешего и конного; Спасенья не чай, когда рубит Чапай; Мы в гражданскую войну били белых гадов на Дону; Нажил пан себе беду в восемнадцатом году.

Псевдопаремии более позднего времени:

Лодырю в колхозе, что волку на морозе; От ленинской науки крепнут разум и руки; Набирайся силы от груди у матери, а ума от коммунистической партии; Раньше жили – слезы лили, а теперь живем – счастье куем; СССР – всему миру пример; Советский народ тверже каменных пород; Хозрасчетная бригада – потерям преграда.

Рассмотренный материал прекрасно иллюстрирует своеобразную идеологическую войну на «паремиологическом фронте», причина которой кроется в потребности советской идеологии говорить от имени народа и подражая народу. Народная же идеология, представленная паремиями, оказывается весьма далекой от романтических представлений о народе только как о носителе идеальных качеств и особенно – о горячем стремлении народа соответствовать требованиям официальной морали. Не следует ожидать, что полный свод народных изречений явится собранием исключительно эталонов нравственности и безупречности, а также соответствия «правильной» идеологии.

Но паремии потому и интересны современному исследователю, что выраженные в них «неприглаженная» мораль и нравственность позволяют более или менее объективно судить о народной культуре. Как писал исследователь паремий И.М. Снегирев, «пословицы, обнимая весь народ, его физическую, нравственную и духовную стороны, его былое и настоящее, со-

ставляют предмет... (сокращение наше. Г. Шипицына) многосторонний, разнообразный и сложный», вполне сопоставимый с великим многообразием в проявлении всех сторон человеческой культуры» [8: 6]. По утверждению В.И. Даля, «простой народ упорнее хранит и бережет исконный быт свой, и в косности его есть и дурная, и хорошая сторона» [9: 7].

Изначальная склонность паремий к морализаторству и реализации воспитательной функции вовлекают в зону народной афористики темы с выраженными положительными примерами. Вместе с тем, провозглашаемые в пословицах антиценности не менее важны и показательны для характеристики национального менталитета. Сложный самоанализ народной культуры, наблюдаемый в пословицах, нацеленных на критику недостатков человека и общества, как нельзя лучше иллюстрирует особенности народного мышления – в таких паремиях соединены и догматизм, и компромисс, и парадокс суждения, отражающий противоречивость и неоднозначную сущность всякого явления. В этом отношении показателен состав пословиц, выражающий народную оценку социально значимым явлениям. В них, как правило, наблюдается целый пучок разнообразных оценок, представляющих многогранную народную философию.

Например, паремии на тему «пьянство» (пьянство – явный социальный порок). С одной стороны, такие пословицы, как *Пьян бывал, а ума не пропивал; Пьяный простится, а дурак никогда; Пьяный не мертвый: когда-нибудь да простится; Пьян да умен – два угодя в нем; Хоть пьяница, да людям не завистник; Баба пьяна, а суд (стыд) свой помнит* выражают мысль о том, что пьянство еще не самое большое зло, особенно, если оно временное и умеренное или компенсируется каким-либо достоинством человека, и тем самым ситуация уравновешивается. Есть и пословицы, «объясняющие» причины пьянства, в них тоже момент безусловного осуждения пьянства как социального порока и однозначно положительной оценки трезвости как образа жизни не просматривается: *Хозяин пьян – сам себе пан* (опьянение – как способ достигнуть ощущения собственной значимости, свободы и независимости личности); в пословицах *Без вина правды не скажешь* и *Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке* выражается мысль о том, что опьянение придает смелость и делает возможным решитель-

ный речевой поступок. В пословице *Страшно видится, а выпьешь – слюбится* выражается смысл того, что пьянство помогает человеку справиться с тяжелой жизненной ситуацией, привыкнуть к чему-то неприятному. Но с другой стороны, есть и такие пословицы, как *Пьян да глуп, так больше бьют; Хмель не плачет, что пьяницу бьют; Хлеб на ноги ставит, а вино валит; Кто чарку выпивает, тот век не доживает; Пьяница в своей шкуре ходит, да в чужом уме*. Они «предупреждают» об опасности пьянства для самого пьющего человека. Горькая ирония просматривается в парадоксальных выводах пословиц на эту тему: *Муж пьяница, да жена красавица – всё хорошо*, а также *Коли сыт да пьян, так и слова Богу*. Но есть и пословицы, выражающие отрицательную оценку пьянству в форме совета *Лучше знаться с дураком, чем с кабаком*. В таких пословицах речь идет не столько о моральных принципах, сколько о конкретной модели поведения, которая позволяет избежать неприятностей. Ментальный аспект значения характеризуется стремлением найти компромисс между собственным и общественным благом. В пословицах мы наблюдаем своеобразное социальное моделирование благоразумного поведения, которое совершается при реализации прагматической семантики пословицы.

Приведенные примеры иллюстрируют смысловую и прагматическую полифонию пословиц, избегающих однозначной оценки какого-либо явления социальной жизни, обусловленной многообразием проявления соответствующих реалий и ситуаций. Пословицы нацелены на «детальный разбор» причин и форм проявления репрезентированной в ней жизненной ситуации, который как бы предваряет ито-

говый вывод, рекомендуемый для использования в типовых практиках быта. Таким образом, в самой парадигматической группировке пословиц одной тематики просматривается противоречивость и парадоксальность ее состава как следствие неоднозначности оценок какому-либо явлению действительности, а также как проявление народной терпимости и гуманности в объяснении человеческих пороков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Семененко Н. Н., Шипицына Г. М. Русская пословица: функции, семантика, системность. Монография. – Белгород: Изд-во Белг. унта, 2005. – 170 с.
2. Алефиренко Н. Ф., Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. – М.: Academia, 2002. – 394 с.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
4. Рубинштейн А. Предисловие к словарю «Русские пословицы библейского происхождения». – Брюссель: Изд-во «Жизнь с Богом», 1985. – С. 3-18.
5. Без бога шире дорога (Атеистические пословицы и поговорки). Составитель А.М. Жигулев – М.: Изд-во Госполитиздат, 1963. – 184 с.
6. Пословицы и поговорки Великой отечественной войны. Сост. Лебедев П.Ф. – М.: Воениздат, 1962. – 125 с.
7. Жигулев А. М. Где труд, там и счастье. Пословицы и поговорки. – М.: Профиздат, 1962. – 213 с.
8. Русские народные пословицы и притчи. Сост. И.М. Снегирев. – М.: Русская книга, 1995. – 576 с.
9. Даль В. И. Пословицы русского народа: сборник. В 2-х т. / Вступ. слово М.Шолохова. – М.: Худож. лит., 1984. – 476 с.